

ТАТЪЯНА КОГАН

КОНДИТЕР

Татьяна Коган

Кондитер

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36624192

ISBN 9785449331281

Аннотация

Сэмми – везунчик, представитель золотой молодежи. У него есть все, о чем большинство только мечтает: красивая внешность и большие возможности. А еще у него есть секрет. Сан Санычу за сорок. На него не обратишь внимания, случайно столкнувшись на улице: он научился не выделяться, казаться почти незаметным. Его самоконтроль восхищает. Его цели пугают. Что случится, если из противостояния добра и зла убрать одну составляющую? Когда зло схлестнется со злом, результат окажется непредсказуем.

Содержание

С.	6
А.	16
С.	23
А.	31
С.	40
А.	47
С.	54
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Кондитер

Татьяна Коган

© Татьяна Коган, 2018

ISBN 978-5-4493-3128-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Мы могли быть жить у моря, в маленьком шумном городе, какими пестрит калифорнийское побережье. Наш дом-бунгало выходил бы окнами на широкий, пустынный по утрам пляж, и мы бы любили завтракать на открытой террасе, намазывая джем на хрустящие тосты и запивая их свежесваренным кофе со сливками (максимальная жирность, как я люблю). Аманда рассказывала бы о своих планах на день, я бы молча кивал, не слишком вслушиваясь в ее речь, и просто наслаждаясь видом набегавших на берег волн и маячивших на горизонте яхт. Мы были бы так скучно счастливы, так ленивы и неамбициозны, что вряд ли бы долго просуществовали. Как и эта глупая, некрасивая гримаса на ее лице, которое совсем уже не кажется мне симпатичным.

Аманда словно специально издевается надо мной, притворяясь уродиной в попытке испортить и без того незадавшу-

юся ночь. Впрочем, я ведь не знаю, как ее в действительности зовут. И не уверен, что хочу знать. Встреча с ней не принесла мне привычного удовольствия, не скрутила внутренности от предвкушения. Старею? Или просто закидываюсь фастфудом в отсутствие блюда поизысканней? Как бы там ни было, судьба Аманды от этого не изменится. Я прирежу эту унылую до оскомины девку прямо сейчас, как и планировал. Упокой господь ее душу. Во имя отца и сына, и святого духа, аминь».

С.

Я живу в благословенное время, когда остается все меньше постыдного, запрещенного. Все закрытые прежде темы выходят на свет, и даже самые черные из них запросто отыскиваются в сети при определенной доле упорства и элементарных навыков. Не хотел бы я родиться на двадцать лет раньше. Мои родители прожили большую часть своей жизни без компьютеров и мобильных телефонов. Даже страшно представить, чем они заполняли свою жизнь, как находили ответы на мучившие их вопросы.

А может быть, у них и не было подобных вопросов? Разум адаптируется под среду обитания. И хотя мне всегда казалось, что это человек влияет на обстоятельства, а не наоборот, может статься, я ошибаюсь – просто потому, что на себе не испытывал тех самых непреодолимых обстоятельств. Я продукт нового поколения, строящий собственную реальность. У меня есть для этого все необходимые инструменты и средства. Привет, мир, ты прекрасен.

– Сколько я могу тебя звать? – мать бесцеремонно вторгается в мою комнату и замирает на пороге с телефонной трубкой, накрыв ее другой ладонью.

– Звонит какой-то твой институтский друг, и почему-то на домашний. Да выключи ты свою музыку! Так и оглохнуть недолго.

Я нехотя убавляю громкость (в этом месяце я фанатею по песням Valerie Broussard) и посылаю матери осуждающий взгляд:

– Я отключил мобильный, потому что не настроен ни с кем общаться. Скажи, что меня нет дома.

– Сам и скажи, – мамина логика, как обычно, на высоте. Она кидает трубку на кровать и сердито удаляется, отбросив мыском домашней туфли валявшуюся на полу грязную футболку. – И уберись наконец! Иначе я разрешу уборщице сделать это за тебя!

Я долго воевал с родителями, чтобы никакой обслуживающий персонал не смел входить в мою комнату. Мы пришли к консенсусу, но мать нет-нет да затягивает привычную песню каждый раз, когда ее раздражает отсутствие стерильности в моем персональном пространстве. Ха. Заглянула бы она ко мне в голову...

– Алло, – уныло протягиваю в трубку. Я знаю, кто на другом конце. И оказываюсь прав.

– Привет, бро, – бодро отзывается Ярик. – Ты там что, слиться надумал? Давай приезжай, все уже на месте.

Я действительно надумал слиться. Очередная попойка в клубе не прибавит мне новых эмоций. Все что можно, я уже перепробовал, и что нельзя тоже. Было лишь одно средство, от которого я не зевал – но оно требовало долгой подготовки и концентрации, а в последние пару недель я отдыхал. То есть бездельничал. Этот период лени и отсутствия интереса

почти ко всему вокруг всегда знаменовал приближение момента. Момента, ради которого стоило притворяться и изображать того, кем я не являлся, но кем меня хотели видеть родные и близкие.

– Эй? Ты здесь? Так ты приезжаешь или нет? Что мне Соне сказать? Она дергается.

Ох уж эта Соня. Когда она дергается, сложно устоять.

– Ладно, сейчас буду, – щедро соглашаюсь я. – Минут двадцать. – И нажимаю на «отбой».

Мне двадцать один, но я чувствую себя намного старше. Старше большинства окружающих меня людей. Старше моих друзей, родителей, преподавателей. Все они напоминают мне детсадовских малышей, только начавших познавать мир и его законы. У кого-то есть деньги и авторитет, у кого-то красота, талант или упорство, но только у меня есть понимание того, как все устроено. Самоуверенно? Возможно, немного. Но в конечном итоге я всегда оказываюсь прав.

Я открываю гардероб, несколько мгновений изучаю полки и вешалки с брюками, рубашками и свитерами на все случаи жизни, а затем хватаю первые попавшиеся под руку джинсы и пятью минутами позже спускаюсь в гараж. У меня быстрая спортивная тачка. И хотя по городу в ней особо не погоняешь, (правила ДТП я без нужды не нарушаю, что бы там ни думали о «золотой молодежи») – мне нравится просто находиться в ней, чувствовать послушный, отзывчивый двигатель.

Я опускаю боковое стекло, вдавливаю в пол педаль газа и лихо выруливаю с присыпанной снежком подъездной дороги на основную. В окно врывается холодный ветер, бьет по лицу. Я жмурюсь от удовольствия и в стекле заднего вида ловлю силуэт замершей у окна второго этажа матери. Она наверняка радуется, что я наконец-то убрался из дома, и сейчас бросится звонить своему любовнику. Она усердно скрывает факт его наличия, но в доме все в курсе. Все, кроме отца и моей мелкой сестрицы.

Январский вечер дрожит огнями, но украшенные по-новогоднему витрины нагоняют тоску. Нет ничего более жалкого, чем несвоевременность. Праздник уже закончился, а люди все продолжают цепляться за него, боясь вернуться в свою обыденную рутину, где нет ни надежды на чудо, ни предчувствия сказки, а лишь долгая череда месяцев, точно таких же безликих, как в прошлом году, и в десятках предшествующих ему... Я не нуждаюсь в праздниках, чтобы убежать от реальности. Моя реальность полностью устраивает меня, за исключением некоторых нюансов.

Нетерпеливый Ярик снова звонит, но я сбрасываю звонок. Я сам не понимаю, почему с ним дружу. Да, у нас много общих интересов, но положила руку на сердце, я считаю его недалеким парнем. С другой стороны, неплохо иметь второго пилота для таких незначительных задач как знакомство с девчонками или подготовка к экзаменам. Мы учимся с ним на одном факультете, и в отличие от меня, Ярик конспек-

тирует все лекции. Согласитесь, удобно иметь в приятелях зубрилу, когда на носу защита диплома. Да, большинство однокурсников попросту купят свои дипломы. Но мой отец в этом плане придерживается принципиальной позиции.

– Однажды ты займешь в компании мое место, и я не хочу, чтобы ты развалил дело моей жизни просто потому, что тебе было лень учиться, – любит он повторять.

Знаете, я с ним согласен. У каждого из нас есть «дело жизни». Это достойно уважения. И пусть у нас с отцом разные представления о моем предназначении и месте в этом мире, дискутировать с ним не собираюсь. В конце концов, у него есть чему поучиться. Он сколотил состояние собственным трудом, чтобы мы с сестрой жили припеваючи и ни в чем не нуждались. Если от меня требуется столь малая вещь, как взять на себя управление семейным бизнесом, чтобы сделать отца счастливым – без проблем. Мне это ничего не стоит.

Еду пятнадцать минут, дороги пустые. Сворачиваю на тихую улочку, потом на другую, и паркуюсь у старинного особняка, в подвале которого разместился известный в узких кругах ночной клуб. Это даже не совсем клуб в его стандартном понимании, скорее лаундж для общения с равными тебе по социальному статусу в приятной камерной обстановке. На мой вкус там слишком пафосно, и напоминает пародию на какой-нибудь голливудский фильм про элиту. Но моим друзьям там нравится, а я отличаюсь эталонной терпимостью.

Охранник на входе узнает меня и не требует показать карту клуба. Я спускаюсь вниз по ступеням, толкаю дверь и ныряю в сумрачное помещение. Запах алкоголя и дорогих духов тут же окутывает меня, и я почти физически ощущаю, как теряю ясность сознания и воли, поддаюсь искушению позабыть о внешнем мире, о своих истинных желаниях, ради того, чтобы на несколько часов зависнуть в вакууме и сбросить немного наличных.

Мои сидят в дальнем углу, ржут и что-то эмоционально обсуждают.

– Сэмми, наконец-то! – Ярик и еще двое приятелей машут мне и теснятся, освобождая местечко с краю. Я игнорирую, обхожу диваны и остаиваюсь позади ослепительной красотки в коротком блестящем платье. Наклоняюсь, отодвигаю черную прядь волос, и целую обнаженную шею.

– Привет, детка.

Соня сдерживает довольную улыбку и сердито фыркает, давая понять, что ждет от меня ритуальных танцев, после которых она сменит гнев на милость. Я продинамил ее пару последних раз, и она все еще злится. Что ж, сегодняшней вечер выдается совершенно бессмысленным, и я не против умаслить мою подружку. Серьезно. Вы бы ее видели. Стройная, высокая, с идеальным лицом и в меру заносчивым характером. Ух. На нее даже смотреть больно – такая она яркая.

Я перепрыгиваю через спинку дивана и приземляюсь рядом с ней, оттесняя ее подружку.

– Скучала? – шепчу ей в ухо.

Соня поводит плечами, молча берет со столика свой коктейль и отпивает глоток, выразительно глядя на меня поверх бокала. Она экстремально неразговорчива для девчонки. Пожалуй, это мне нравится в ней больше всего остального. А еще мне нравится, что рядом с ней тренируется моя воля. Мне приходится держать себя изо всех сил, чтобы не натворить глупостей. И мне это хорошо удается, прибавляя повода для гордости.

– Что будешь пить? – суетится Ярик, словно опасается, что без пары рюмок я в любой момент свалю.

Время движется хаотично – то ускоряется, то раскручивается медленными, тяжеловесными пластами, растягивая секунды до бесконечности. Я немного захмелел, но кажусь гораздо пьянее, чем на самом деле. Когда ты пьян, тебе прощается многое. А сегодня я не очень-то вежлив – Соня завела меня не на шутку, но я не могу позволить себе разрядку. И я говорю не о физическом оргазме. С ним проблем нет. То, что мне требуется, лежит за гранью обычной физиологии.

Соню нервирует моя непробиваемость. Она постоянно подтягивает чуть выше подол своего и без того короткого платья, обнажая безупречные холеные ноги. Наклоняется, ерзает бедрами. Я бы трахнул ее прямо здесь, если бы для меня это что-то изменило бы. Но это не изменит, поэтому я просто обнимаю ее за талию и проникновенно смотрю в глаза, заставляя ее закипать то ли от желания, то ли от бешен-

ства.

«Глупая», – усмехаюсь я мысленно. Она даже не подозревает, о чем я думаю, глядя в ее миловидное лицо. Если бы она прочитала мои мысли, заглянула бы в мой мозг на секунду, на долю секунды, – то затем до конца дней ходила бы к психологу. Я отличаюсь от других людей. И это во все не мое эго говорит. Так или иначе каждый считает себя особенным. Но разница в том, что я на самом деле особенный. Де факто. Я не горжусь этим, не упиваюсь. Принимаю это как данность и учусь с этим жить. Тут конечно я малость поскромничал. Жить с этим я научился еще в 14.

В третьем часу ночи за Соней приезжает водитель, но она его отпускает. Я сам отвожу ее домой, предварительно дав ей то, чего от она так хотела. Она поправляет платье, запахи-вает куртку и пристегивается. Я опускаю стекло на пару сантиметров, давая стылому ночному воздуху проникнуть в салон, и с ревом трогаюсь с места. Снежные комья летят из-под колес.

Дома я долго стою под душем, пытаюсь избавиться от зуда во всем теле. Он идет изнутри, как будто какая-то энергия, источник которой расположился в солнечном сплетении, бьет фонтаном, хлещет по венам и мелким сосудам, расширяя их, растягивая до звенящего напряжения. Хочется расчесать кожу до глубоких ран, чтобы дать этой энергии выход наружу, чуть сбавить давление, распирающее мое тело, но я отлично знаю, что все это нефизическое, нереаль-

ное. Источник энергии у меня в мозгу, и единственный способ заткнуть его – выстрелить в висок. Конечно же, я не выстрелю. Не для того я родился, чтобы оборвать приключение в самом начале. Да и стрелять я не умею.

Я вытираюсь полотенцем, протираю запотевшее зеркало и, упершись ладонями в раковину, пристально изучаю свое отражение. У меня правильные черты лица, русые волосы и спортивное тело. Я везунчик. Я хорош собой, неглуп, и родился в богатой семье.

Сна ни в одном глазу. Я отжимаюсь, как одержимый, в попытке утомить свое тело, но бодрости прибавляется. Тогда сажусь за письменный стол, отодвигаю нижний ящик и достаю из-под стопки бумаг альбом. Больше половины страниц изрисованы – я листаю их, подолгу задерживаясь на некоторых, и постепенно ощущаю, как внутренний зуд стихает, умиряется.

«Хороший мальчик», – внутренне хвалю себя. И листаю очередную страницу. Это комикс. Я сам его рисую. Получается неплохо, но показать его кому-нибудь из друзей я бы не рискнул. Во-первых, там нет положительного героя. Во-вторых, некоторые персонажи легко узнаваемы. И то, что с ними делает мое воображение, большинству вряд ли придется по вкусу.

Я беру грифельный карандаш и делаю быстрые наброски новой сцены. Ночной клуб, компания молодых людей. Они пьют, веселятся. Среди всех выделяется восхитительная

брюнетка с длинными волосами – у нее большая грудь, тонкая талия и капризный рот. Сидящий с ней парень задумчив. В уголках его губ прячется злая усмешка. Он весь напряжен, хотя его поза обманчиво расслаблена. Он главный герой моего комикса. Я пока не придумал ему имя.

Я рисую его мысли. Карандаш почти бесшумно летает по бумаге, штрихи, ложатся быстро и ровно, создавая из белой пустоты чарующую, пугающую картинку. В какой-то момент я останавливаюсь, чтобы перевести дыхание. Сердце колотится, как сумасшедшее, во рту пересохло. Часы показывают четверть пятого утра. Черт. Через три часа вставать, идти на пары – важные предметы я стараюсь не пропускать.

Я через силу закрываю альбом, но прежде чем расстелить постель, проверяю на своем лэптопе один зарубежный сайт. Я обнаружил его пару лет назад, на закрытой площадке в даркнете, и кое-что меня там сильно заинтересовало. Вернее, кое-кто. Я захожу на страницу, кликаю на знакомый никнейм и прохожу в его блог. Новых записей нет. Очень жаль. Зато я со спокойным сердцем могу отправиться спать.

Прежде, чем отключиться, мое воображение с точностью до деталей воспроизводит в памяти только что нарисованный сюжет, и я, с блаженной улыбкой, проваливаюсь в глубокий, без сновидений, сон.

А.

Вечерний уличный свет бликует на гранях бокалов. Один – полный, накрытый ломтем хлеба, второй – пустой. Тут же, на столе, стоит старая шахматная доска, и сидящий в кресле мужчина задумчиво глядит на фигуры, изредка делая ход – белыми, потом черными, и снова белыми.

Столько лет прошло с момента их последней игры, а он до сих помнит каждый ход и связанные с ним эмоции. Сан Саныч Тубис скучает по своему покойному другу. Эта доска – единственное, что осталось от него на память. И хотя ностальгия чужда Сан Санычу, сегодня один из тех редких дней, когда несвойственное пробивается сквозь заслоны разума, и заставляет в полной мере прочувствовать то, что считалось давно пережитым.

А еще он вспоминает последние три года. Три года одиночества и апатии, когда запрещаешь себе даже самое маленькое удовольствие, потому что иначе не выживешь. Только дашь себе поблажку, расслабишься – и считай, все, конец. Для конца было рановато (сорок три года для мужчины – самый расцвет), поэтому он держался. Мало кто мог бы поспорничать с ним в железной воле и самоконтроле.

Сан Саныч всегда умел поворачивать неблагоприятные обстоятельства себе во благо. Но в последнее время обстоятельства складывались такие – как ни поворачивай, везде

край. Тут только один вариант – спрятаться, стать ниже травы, тише воды, засунуть куда подальше свои желания и переждать буран. Вот только чертов буран никак не унимался. Только в минувшие пару месяцев Сан Саныч начал замечать слабые признаки прояснения. Похоже, черный период подходил к логическому завершению, но праздновать еще было рано.

С улицы донесся скулеж и почти сразу же кто— то заскребся в ведущую на задний двор дверь. Сан Саныч нехотя поднимается с кресла и впускает собаку. Здоровенная овчарка вбегает в помещение и принимается самозабвенно стряхивать с себя припорошивший спину снег.

– Фу, Анька, – возмущается мужчина, уворачиваясь от ледяных брызг. – Не могла на пороге почиститься?

Овчарка задорно лает, подбегает к пустой миске, нюхает ее и выразительно поднимает глаза на хозяина.

– Так точно, – улыбается тот. – Вас понял.

И лезет в шкаф, где хранится пакет с сухим кормом. Насыпает порцию, ставит миску обратно и несколько секунд с удовольствием следит, как питомец поглощает угощение.

Он подобрал Аньку на улице, еще кутенком, много лет назад. С тех пор они никогда не расставались, хотя и пережили вместе парочку катаклизмов. После одного из них овчарка немного прихрамывала, особенно в студеное время года, но в целом демонстрировала отменное здоровье и веселый нрав. Она была больше, чем любимым спутником. Она была

его личным талисманом.

Зеленые цифры на микроволновке показывают без пяти девять. Тубис идет в комнату, садится за рабочий стол и включает компьютер. Ровно в девять у него урок с одним из многочисленных детей, чьи родители оплачивают уроки по шахматам в надежде развить в ребенке аналитический ум, а может быть даже добиться приличного уровня игры.

В молодости Сан Саныч выполнил мастера спорта, но посвящать всего себя профессиональной шахматной карьере не решился. Это требовало полной самоотдачи, и хотя проблем с усидчивостью у него не имелось, зато имелись другие интересы, жертвовать которыми он не хотел.

Память охотно направляет его сознание в сторону упоительного прошлого, и он почти поддается, как — то внезапно размякнув и осев в кресле, но звонок вызова скайпа выдергивает его из дремоты. Он мгновенно мобилизуется, натягивает на лицо сосредоточенную серьезность и отвечает на звонок. На экране мальчишка лет тринадцати, худой и бледный, как мелкий ядовитый грибок — на тонкой ножке и с рыхлой шляпкой блеклых волос.

«Лучше бы ему заниматься настоящим спортом, борьбой или боксом», — думает Сан Саныч. — «Какой смысл развивать свой мозг, если в твоём теле еле душа держится?»

Сам Тубис выглядит плотным, крепким, полным сил. У него широкие плечи и сильные руки, но в целом незапоминающаяся внешность — что весьма кстати. Ему никогда

не нравилось внимание к собственной персоне. В детстве он научился владеть своей мимикой так, чтобы на лице не отражалось ни единой эмоции, и результат удивил и вдохновил его. Люди всегда ищут в чужих лицах отражение своих собственных мыслей и чувств, словно слепые котят мамкин сосок, к которому можно присосаться и напитаться, заполнить свое одиночество. Но за пустое, безэмоциональное лицо не зацепишься. А значит не будет незваных гостей, ненужных разговоров и прочей суеты, какую волей-неволей создают люди, собираясь в группы.

– Здравствуйте, – приветствует его мальчишка из скайпа.

Тубис кивает:

– Приступим.

И на ближайший час углубляется в разбор их прошлой партии, указывает на ошибки и дает альтернативы тому или иному ходу. Никаких посторонних мыслей, лишь тридцать две фигуры, шестьдесят четыре клетки и бесконечное множество позиций.

В 22.01 Сан Саныч выключает скайп и несколько секунд размышляет, чем займется завтра, в выходной день. И ловит себя на запрещенном. Это даже не мысль – лишь намек на нее. Он тут же гасит его, но искушение уже просочилось из— под замка, и теперь кружит, кружит в голове, темным густым водоворотом, и в эту черную воронку, миллиметр за миллиметром, сливается вся его хваленая воля и самоконтроль.

Как же тяжело! Тяжело держать свое сознание в клетке. Не заслужил ли он чуточку поощрения? Маленький подарок за годы терпения и целибата? Он встает с кресла, медленно идет в кухню, включает чайник и просто ждет, пока тот закипит. Сыплет заварку в кружку, наливает кипяток. Это обычный черный чай, из дешевых, но почему-то сейчас аромат его кажется необычайно тонким, почти изысканным.

Сан Саныч осторожно отпивает глоток и надолго сжимает кружку в ладонях, пока те не нагреваются – и не отпускает еще несколько секунд, упиваясь обжигающей болью. Эта боль держит его в настоящем моменте, привязывает к объективной реальности. Но сквозь завесу привычного, настоящего мира пробивается чье-то мутное изображение. Сан Санычу даже не нужно напрягаться, чтобы разглядеть его. Он отлично знает, чья это фигура. Его величайшая любовь. Его величайшее разочарование.

На три долгих года он заставил себя забыть о ней. Он глотал снотворное, чтобы не видеть снов. Ему нужно было выжить, а с памятью о ней это представлялось почти невозможным. Но теперь... Теперь что-то изменилось. Тубис прислушивается к себе. Сканирует свой мозг, мысль за мыслью. И понимает, что готов вспомнить. Рана затянулась, можно снимать бинты и разглядывать заживший рубец. Трогать его пальцем без страха, что приступ боли скрутит тебя, как тряпичную куклу. Да. Пожалуй, он готов очнуться после длительного анабиоза. И очень осторожно. Медленно. Вдохнуть

полной грудью.

Ночь светлая, звездная. В незанавешенные окна льется рассеянное сияние, Сан Саныч бросает взгляд на улицу, на сверкающие голубоватые сугробы. В этот поселок он перебрался около года назад, дом продавался за копейки, и Тубис долго не раздумывал. Репетиторство приносило ему невысокий, но стабильный доход, расходы у него практически отсутствовали – разве что на еду для себя и собаки, – жил он скромно, ни в чем не нуждаясь.

Безусловно, раньше ему жилось веселее. Но когда на кону выживание, об отсутствии веселья не сожалеешь. Он отпивает большой глоток чая и позволяет себе немного воспоминаний.

Перед тем, как он впервые увидел ее, выходящую из кафе, его жизнь представляла собой увлекательную череду встреч и расставаний, когда периоды страсти сменялись затишьем. Но лишь после того, как она вошла в его жизнь, Тубис впервые ощутил, каким живым может быть, какой яркой бывает реальность. Лиза не походила на других женщин, как волчья ягода не походит на оранжерейные розы. Она была резкая и токсичная, с бьющей через край агрессией. Ни одна победа не приносила ему столь зашкаливающее, сумасшедшее удовольствие, как обладание этой женщиной. Но дорого же оно ему обошлось...

Внутри поднимается что-то нехорошее, неправильное. Сан Саныч знает, что глупо злиться на ту, которая никогда

не вернется, – но все равно злится. Это была его заслуженная награда, он так недолго наслаждался ею... Чертова стерва обвела его вокруг пальца. Рядом с ней его мозги расплавились, иначе бы он ни за что не допустил ошибки, не позволил бы ей сбежать.

Тубис сжимает кулак, но тут же расслабляет ладонь. Возвращается к компьютеру, колеблется некоторое время, а затем кликает мышкой и на несколько часов выпадает из реальности.

С.

Я очень хорошо помню, когда это все началось. Мне было шесть, и я смотрел мультик. Мама сидела рядышком, на диване, и с восторгом хлопала в ладоши, когда герой победил дракона и спас принцессу. Мама повернулась ко мне и проговорила:

– Смотри, как хорошо все закончилось!

Я тогда что-то промямлил, не решаясь расстраивать маму – ведь мне мультик совсем не понравился. Целый день одна навязчивая мысль не давала мне покоя: почему дракон не убил принцессу? Зачем он украл ее, если не собирался убивать? Ведь если крадешь что-то, то рано или поздно это могут отнять у тебя. Обязательно найдется кто-то сильнее и хитрее и заберет то, что ты успел присвоить себе. А если уничтожить какую-то вещь, сломать ее, разбить, – то она уже никогда никому не достанется, будет принадлежать тебе одному. Конечно, думал я не так стройно, как сейчас пересказываю – в конце концов, особой глубиной мысли шестилетки не отличаются, – но посыл был именно этот. Мне бы хотелось, чтобы дракон съел принцессу, и тогда выскочка-принц ничего бы не смог поделать. Стоит ли уточнять, что во всех мультфильмах, до и после этого, я всегда сопереживал злодею?

То, что со мной что-то не так, я осознал позднее. Сперва

это напугало меня, и на некоторый непродолжительный срок я даже впал в депрессию, которую мои родители пытались лечить при помощи психотерапевтов и таблеток. Я быстро смекнул, что столь пристальное внимание к моей персоне невыгодно и может мне навредить. После каждого визита к детскому психологу мать смотрела на меня с неприкрытым тревожным сочувствием, и я решил, что пора брать себя в руки и изображать обычного жизнерадостного ребенка.

Я снова стал улыбаться и рассказывать об успехах в школе, и родители вздохнули с облегчением, решив, что ребенок перерос, и все наладилось. И хотя до того момента, когда все действительно наладилось, прошло еще несколько лет, я начал постепенно принимать себя и свои желания. Тогда же я сделал для себя два важных вывода: никому никогда не рассказывать о своей тайне и стараться быть максимально обязательным. И первое и второе здорово упрощает жизнь.

Сейчас у меня все в порядке. И хотя мне приходится учитывать определенные нюансы, чтобы казаться обычным нормальным человеком, это не слишком тяготит. Я знаю, что не один такой. Но все, кто похож на меня, тоже одиночки. Дружба между психопатами невозможна. По крайней мере, так говорят умные книги по психоанализу, которые я проглатываю одну за другой. На этот счет у меня имеются сомнения, но проверить, правдивы ли они, шанса пока не подвернулось. «Пока» – ключевое слово.

Я бы, пожалуй, поделился кое-какими соображениями

по этому поводу, но еще рано. Нужно многое перепроверить.

– Ты после пар с нами?

Ярик и еще трое парней с курса планируют рвануть покатать на сноубордах, но я сегодня слишком взволнован для подобных развлечений.

– Не, я схожу в зал, а на вечер у меня дела, – отмахиваюсь я.

– Не те ли дела, что тебе всю пару сообщения слали? – язвит Никита.

Иногда мне хочется накрыть его лицо ладонью и смять пальцами, как бумажку и сделать трехочковый бросок в баскетбольную корзину. С виду Никита нормальный парень, но его всегда слишком много. Для комфортного общения его должно быть хотя бы в два раза меньше. Я улыбаюсь своим мыслям, тому, что мог бы с ним сделать, а Никита принимает мою улыбку на счет своего остроумия и самодовольно расправляет плечи. Иногда мне кажется, что он добивается моего расположения, как если бы я ему нравился – ну, знаете, в сексуальном плане. Однако ничего такого я за ним не замечал, так что скорее всего это моя завышенная самооценка застилает глаза.

Мы прощаемся. Я прыгаю в машину и через полчаса уже сворачиваю к фитнес— клубу. Вообще-то отец построил на участке отдельный двухэтажный спортзал с бассейном, сауной и массажным кабинетом, но никто из домочадцев туда не ходит, только мама проводит там косметологические

процедуры да встречается с массажисткой.

В фитнес— клубе повеселее. Девчонки там красивые. Сегодня я на них почти не смотрю, тренируюсь по-серьезному. Надо выпустить пар. Физическая усталость хоть и не спасает от навязчивых мыслей, но ослабляет их напор. Делаю последний подход становой тяги, полчаса кардио на беговой дорожке, и иду в раздевалку.

Мне не терпится домой. Вчера вечером случилось кое-что интересное, и мне хочется как следует это обмозговать.

– Семечка! Покружи меня! – систер встречает меня в прихожей и бросается в объятия. Мне не остается ничего иного, как подхватить ее на руки и хорошенечко покружить, покуда она не начнет верещать.

– Все-все, Семечка, все! – визжит Эмилия.

– Сэммишка, – поправляю я ее.

– Я так и говорю! Семечка! Мы с Ксюшей (Ксюша это ее няня) едем кататься на лошадях, давай с нами?

Систер с надеждой заглядывает в глаза, я таю, но все-таки отказываюсь:

– Твои пони будут мне мелковаты. Вот когда перейдешь на настоящих больших лошадей, тогда я к тебе присоединюсь.

– Ну ладно, – послушно кивает она.

У сеструхи золотой характер. Я ее люблю. По-настоящему. Я бы, наверное, мог отдать за нее жизнь, возникни такая необходимость. По крайней мере, так мне хочется считать.

Дай бог, чтобы подобной необходимости не возникло.

На кухне я быстро заправляюсь парой сэндвичей и поднимаюсь к себе в комнату. Родителей дома нет, но я все равно запираюсь изнутри.

Включаю лэптоп, вхожу в даркнет на знакомый адрес и перечитываю свежую запись. Это закрытая площадка, где анонимные пользователи делятся своими фантазиями. Я регулярно читаю их, когда мне становится совсем одиноко. Большинство записей на английском, но есть и на испанском, немецком и даже русском. В обычном интернете полно подобных историй на сайтах эротических рассказов, но здесь все серьезнее. По-взрослому. Я считаю себя циничным человеком, но от некоторых «сюжетов» даже мне становится тошно. Впрочем, все эти записи ничто иное, как выплески больного (порой очень больного) воображения – не чувствуется в них настоящего, пережитого опыта. На этом фонтанирующем жестокостью фоне блог одного пользователя почти теряется, кажется тусклым. Но именно он привлек мое внимание.

Бывало ли у вас, когда собеседник красочно описывает вам произошедшее с ним событие, захлебываясь от восторга и гордости, а ты отчетливо понимаешь, что все его эмоции, вся его речь – от первого до последнего слова – сплошная ложь и фальшивка? А иной скупое отвечает на вопросы, почти не участвует в беседе, но за его сдержанной мимикой чудятся такие омуты, что волосы невольно поднимаются ды-

бом. Вот нечто подобное я испытал, когда впервые наткнулся на страничку «А-11».

Сперва что-то мимолетно цепляет твой взгляд, проходит по касательной, почти невесомо, и ты благополучно забываешь об этом. Но ядовитые споры уже проникли в твои легкие, и каждый вдох лишь плодит внутри чужеродные бактерии, пока в один прекрасный день ты не поймешь, что тоскуешь, черт побери, тоскуешь по странному чувству, которому не придал значения. И ты возвращаешься в то самое место, к той самой вещи и по— новому смотришь на то, чему сперва не придал значения. И чем дольше ты изучаешь, тем больше изумляешься.

Что-то было в рассказах А-11. Что-то по-настоящему жуткое. Я поверил им. Я ими наслаждался. До вчерашнего дня. Вчера А-11 опубликовал очередное обновление. Когда я дочитал его текст, во рту у меня было суше, чем в долинах Мак-Мердо, а пальцы мелко подрагивали. Сегодня я намного спокойнее. У меня появилась цель, и она чертовски амбициозна.

Я достаю из ящика стола чистый альбом, открываю первую страницу и несколько минут задумчиво гляжу на белый лист. А потом начинаю рисовать.

Утром я просыпаюсь в отличном настроении. Принимаю душ, чищу зубы и спускаюсь в столовую. В такую рань еще все дома. Отец изучает новости на планшете, мама изображает заботливую наседку, уговаривает Эмилию съесть полез-

ной овсянки, хотя как только отец уйдет, она тут же отстанет от дочери, перекинув обязанности ее кормления на няню.

– Доброе утро, – я зеваю и улыбаюсь нашему повару, Ильдару. – Мне двойную порцию, я вчера забыл поужинать.

Отец приподнимает бровь:

– Чем же ты вчера занимался, что так увлекся?

– Диплом писал, – беззастенчиво вру.

Отец делает вид, что поверил. У нас с ним полное взаимопонимание. Он не слишком меня контролирует, а я стараюсь оправдывать его ожидания.

– Какие у тебя планы на субботнее утро? Хочу, чтобы ты поехал со мной на бизнес— форум. Тебе будет полезно послушать пару докладов.

– Конечно, – соглашаюсь я.

Отец удовлетворенно кивает, переводит взгляд на дочь, подмигивает ей и снова возвращается к новостям на планшете.

У нас с сестрой разница в пятнадцать лет. Подозреваю, что это была отчаянная материна попытка удержаться за семейные ценности и сохранить драгоценный брак. Не очень-то у нее получилось. С отцом-то они живут душа в душу, но чего-то матери явно не хватает, раз она завела интрижку на стороне. Я ее не виню. У всех есть свои слабости. Так если посмотреть, я наверное кажусь каким-то слабаком и терпилой. Все понимаю, ко всему лоялен. На самом деле это не совсем так, и у вас еще будет шанс убедиться.

Отец уезжает первым, я следом за ним. Сегодня у меня насыщенный день.

А.

Солнце слепит. На улицах полно народу, все торопятся взять по максимуму от выходного дня. Но Сан Саныч никуда не спешит, сидит на скамье, в добротном двубортном пальто, придающем его облику элегантную строгость. Он носит стильные очки в тонкой золотой оправе, за которыми невозможно поймать его взгляд. Он смотрит куда-то в пространство, и кажется, что мужчина о чем— то глубоко задумался, — так глубоко, что на какой-то миг выпал из реальности. Однако это заблуждение. Сан Саныч не просто сидит. Он внимательно наблюдает за каждым проходящим мимо. Вернее, за каждой проходящей.

Ему нравится рассматривать женщин. Что на них надето, какие эмоции отражаются на их лицах. Он не делит женщин на красивых и некрасивых. Он давно научился видеть волшебное содержание за невзрачной оболочкой. Сколько он раз влюблялся? Об этом приятно вспоминать. Может быть, сегодня он тоже встретит свою будущую невесту? И хотя Лизу никто не заменит, нужно жить дальше.

Рядом, на край скамьи, присаживается миловидная полноватая женщина чуть за сорок. На ней нарядная шубка из искусственного меха и белая вязаная шапка. От нее так и дышит здоровьем и радостью. На пухлых губах играет полуулыбка. Несколько минут она сидит молча, изредка погля-

дывая на Тубиса, а потом обращается к нему:

– Чудесная сегодня погода.

Мгновение Сан Саныч пристально глядит на нее, и кивает:

– Правда.

– Но холодно! – женщина демонстративно трет ладони.

Сан Саныч задерживает на ней взгляд чуть подольше. Ему нравятся такие жизнерадостные особы. Одно в них плохо – их настроение быстро меняется, когда обстоятельства складываются неожиданным и не самым приятным образом.

– Вы не замерзли? – женщина указывает подбородком на его непокрытую голову. – Вон там есть кафе с очень вкусным кофе.

Она колеблется и добавляет:

– Составите мне компанию?

Тубис еле заметно поводит бровью. Раньше, когда он носил старомодные очки и невнятную стрижку, к нему не лезли со знакомствами – и это было удобно. Чего он не принимал в женщинах – так это инициативы. Ни одна курица не бежит за петухом. Черт знает что происходит с миром, ориентиры смещаются, незыблемые столетиями принципы подвергаются переоценке, и сам фундамент, на котором зиждятся устои, переворачивается вверх тормашками.

Он мог бы объяснить этой мгновенно утратившей очарование пышечке, что нельзя быть такой голодной. Голод отталкивает. Изобилие манит. Он мужчина, охотник. Он сам

выбирает свою добычу.

– Как вам идея? – не сдается незнакомка.

Когда— то у него была подруга, похожая на нее. Они были вместе недолго – слишком разительной оказалась перемена, произошедшая в ней после сближения. Он подготовился к этому заранее, поэтому боль от разлуки не была мучительной. Каждая новая встреча дарила ему надежду, но умом Сан Саныч понимал, что финал всегда будет прежним. Разочарование и неминуемое расставание. В глобальном смысле не разочаровала его только Лиза. За исключением того, что ушла. Не ушла даже – сбежала.

– Боюсь, мне уже нужно идти, – Сан Саныч вежливо улыбается, встает и неспешно удаляется прочь, спиной чувствуя на себе чужой растерянный взгляд.

Он спускается в метро, едет до конечной, потом полчаса трясется в маршрутке и наконец выходит на остановке у поселка. Еще пятнадцать минут шагает к дому. Когда он открывает калитку, обрадованная овчарка бежит ему навстречу, упирается в грудь передними лапами и приветственно лижет лицо.

– Отвали, Анька, – он бережно отстраняет собаку. На пороге отряхивает налипший на ботинки снег и входит в дом. Собака забегает следом, не отлипая от него ни на шаг.

Он машинально гладит ее, насыпает корма и только после этого раздевается. Сегодняшняя вылазка в город была ошибкой. Он переоценил свою стойкость. Едва ослабил уз-

ду – и полезли наружу, из всех уголков подсознания, долго подавляемые мысли.

«Нельзя быть такой голодной», – сетовал он на общительную незнакомку. А сам-то, сам. Разве не голод толкнул его на прогулку по городу? Три года одиночества. Целая вечность.

Сан Саныч оглядывает свое жилище: в гостиной – диван, старый комод, два кресла напротив телевизора. В спальне широкая кровать, тумбочка и шкаф. Старые обои, советские люстры. Обстановка скромная, почти спартанская. Сюда невесту не приведешь. Тубис часто менял место жительства. Мегалополисы и деревни, суета и безмолвие.

Он невольно вспоминает один из своих любимых домов, где прожил дольше обычного: добротный, кирпичный, в стороне от любопытных глаз. Сан Саныч обустроил там все на свой вкус: уютно, но ничего лишнего. А какой там был цокольный этаж! Лестница вниз, как дорога в преисподнюю, утепленные звукоизолированные стены, бордовый палас, шведская стенка, тахта. Его персональное логово, где он отдыхал и питывался энергией. Все это пришлось сжечь.

Никогда Тубис не испытывал нужды в постоянном жилище, в котором мог бы пустить корни, назвать домом. Все временно в этом мире, и цепляясь за иллюзию постоянства ты лишь обрекаешь себя на страдания. Сан Саныч и не цеплялся: некоторые игры диктуют особые правила. Но сегодня – впервые в жизни – он пожалел, что не может позволить себе

неизменное убежище, куда возвращался бы вновь и вновь, уверенный в безопасности и надежности его стен.

– Совсем я расклеился, Анька, – Сан Саныч поворачивается к овчарке и та тут же подбегает, виляя хвостом, тыкается мордой в хозяйскую ладонь. – Хорошо, хоть ты со мной. Иначе совсем край.

Анька согласно гавкает, заглядывая ему в глаза, а Тубис ловит себя на том, что безумно, ошалело скучает по такому же преданному взгляду от человеческого существа. А ведь когда— то он был счастлив. Если бы у него сохранились физические свидетельства его прежних отношений, он бы разложил сувениры на столе и любовно перебирал бы их, успокаиваясь, умиряя горевший в груди огонь. Но у него ничего не осталось, кроме воспоминаний. Совсем ничего.

– Как думаешь, Анька? – он задумчиво гладит собаку между ушей. – Не затянулось ли наше отшельничество? Срок прошел приличный, суета улеглась. Не пора ли возвращаться к жизни?

Анька наостряет уши, пытаясь разобраться в интонациях хозяйского голоса, и Тубис невольно смеется. Ох уж эти женщины! Все одинаково ревнивы. Аньку вполне устраивает их тандем, третья лишняя ей не нужна. Овчарка не ладила ни с одной из его возлюбленных, такой уж у нее нрав, – единоличница.

– Чего напряглась? – успокаивает ее Тубис. – Все будет хорошо, дурочка. Невест у меня было много, а собака – од-

на-единственная. Понимаешь?

Несколько мгновений овчарка напряженно молчит, а потом разражается радостным лаем.

– Ладно, иди, – он делает жест рукой. – Занимайся своими делами.

И она послушно уходит в кухню, сворачивается на подушке у батареи, но на всякий случай продолжает полуприкрытым глазом следить за хозяином.

На экране ноутбука мигает сигнал: один из его виртуальных партнеров по игре в шахматы предлагает партию. Сан Саныч отклоняет запрос. Сейчас у него в голове совсем другие фигуры. Его пальцы застывают над сенсорной панелью, а затем решительно нажимают на него.

Он входит в даркнет, на площадку, ставшую его отдушиной, и замечает новое сообщение в анонимном крипто-мессенджере.

Тубис кликает на письмо и несколько секунд пялится в монитор, не понимая, что происходит. Он судорожно встает, выглядывает в окно, – на улице никого – задергивает шторы и снова опускается в кресло перед компьютером и тщательно всматривается в картинку.

Это страница из комикса. Черно-белые рисунки. На первом изображены три девушки, стоящие возле стен университета. Одна особенно красива – в короткой юбке и с длинной косой. Затягивается тонкой сигареткой и смеется над шутками подруг. Второй рисунок изображает мужчину. Он пока-

зан со спины, сложно сказать, сколько ему лет. Он останавливается возле девчонок и обращается к красавице с косой:

– Вы очень привлекательны. Я хотел бы с вами познакомиться.

Дальнейшее разворачивается стремительно: девчонки посылают мужика, но он бросает еще несколько адресованных красавице фраз. Когда он уходит, в посадке его головы, в том, как напряжены его плечи, чудится тревожное обещание. Шумная многолюдная улица выступает тусклым фоном для его тяжеловесной фигуры.

Обычная сценка из повседневной жизни.

Сан Саныч сглатывает застрявший в горле комок. Сердце ухает в груди.

Он переводит взгляд на имя отправителя: С-4.

Переходит по ссылке на его профиль, но там пусто, никаких данных.

Тубис снова глядит на изображение. Рисунки выполнены с профессиональной точностью, все линии четкие, быстрые. Чувствуется, что художник рисовал легко, на скорую руку, торопясь вылить на бумагу неожиданный прилив вдохновения.

Первый позыв – написать неизвестному художнику, задать вопрос. Но Сан Саныч останавливает себя: если бы тот захотел представиться или объясниться, то сделал бы к рисунку личную приписку. Лучше выбросить из головы это странное послание.

Сан Саныч встает из-за компьютера, идет в кухню. Уже стемнело; за сетчатым забором белеет заснеженная поселковая дорога. Изредка по ней проезжает машина, освещая серый потолок кухни вспышками фар. Тубис слоняется из угла в угол, не зная, чем заняться. Достает кастрюлю, варит картошку в мундире, режет лук и огурцы. Он пытается сосредоточиться на этом нехитром занятии, но мысли то и дело поворачивают к присланному анонимом комиксу.

«Не стоит придавать этому значения», – мысленно твердит он. «Я знал, что мои тексты может кто-то прочитать, и поэтому не оставил в них ни единого намека, способного вывести на мой след».

Да и кто будет всерьез копаться на сайте, куда графоманы сливают свои похотливые фантазии? Он сто раз проверил безопасность, и только поэтому позволил себе маленькую поблажку – возможность выразить словами то, что кипело у него внутри. За последние пару месяцев он писал туда несколько раз – когда было совсем невмоготу. И осознание того факта, что случайный читатель увидит его историю, немного щекотало нервы.

Сан Саныч складывает в раковину грязную посуду и включает чайник. В этот момент компьютер извещает о новом сообщении. Нарочито медленно Тубис подходит к ноутбуку. Очередное письмо от пользователя С-4.

Пальцы наводят курсор на файл и кликают по нему. Это вторая страница комикса. Продолжение. Взгляд жадно бега-

ет от рисунка к рисунку.

Проклятье! Этот художник, кем бы он ни был – хорош. Он как будто залез к нему в голову и материализовал хранившиеся в памяти образы.

Тубис величал ее Царевной – за статью и русую косу. Сан Санычу не нужно прилагать усилий – память сама оживляет историю. Одну из многих, но по-своему уникальную.

И пусть их отношения продлились недолго, определенное удовольствие Сан Саныч получил. Царевна была самой юной из его подруг. Ей едва исполнилось девятнадцать. Может быть поэтому она слишком остро реагировала на происходящее, принимала все близко к сердцу. Видит бог, он хотел бы задержать чувство влюбленности, он даже подсказывал Царевне, как нужно себя вести. Не опускать руки, не терять волю к жизни, поддерживать внутренний огонь. Но она не слушала его – только плакала целыми днями напролет, не понимая, как ей повезло. Люди проживают жизнь, так и не встретив своего человека, а Царевне выпала такая удача. Он был готов любить ее – долго и счастливо – если бы только она хоть как-то отзывалась на его страсть. Увы, более аморфной и жалкой подруги ему не встречалось. Она надоела ему спустя два месяца.

Обычно расставание приносило Тубису очень специфическое, граничащее с болью удовольствие, но то расставание было поспешным – вспоминать о нем Сан Санычу не нравилось.

С.

Другая на ее месте уже десять раз спросила бы «о чем ты сейчас думаешь», а Соня лишь бросает на меня выразительные взгляды и молчит. Она мне действительно нравится. Печально, что человек – существо одноразовое. Авария, травма, неосторожный шаг – и он тут же ломается и перестает работать. Есть в этом непреодолимый, изысканный фатализм, но на месте боженки я бы пересмотрел некоторые законы физики.

Мы сидим в креслах у панорамного окна в номере отеля, который я снял пару часов назад. Город простирается внизу, как серое, ледяное море, с рябью машин и огней, с теряющимся в смоге горизонтом. Я заказал шампанское и фрукты, и Соня то и дело наполняет свой бокал сама, не надеясь на мою учтивость. Я не урод какой-нибудь. Обычно я обходителен с девушками. Просто сейчас меня немного накрыло, и я отчаянно пытаюсь справиться с этой необычной смесью злости, растерянности и возбуждения.

A-11 не выходит у меня из головы. Я послал ему несколько комиксов, написанных по его рассказам, но он никак не отреагировал, хотя мои сообщения открыл. Ему не понравилось? Он безразличен к изобразительному искусству? Сложно поверить. Если он тот, о ком я думаю, мои рисунки не могли не впечатлить его. Я ставлю себя на его место и по-

нимаю, что отреагировал бы с пылким интересом. Получается, я опять беру на себя слишком много? Сужу остальных по себе?

Соня достает из вазочки крупную клубнику и вгрызается в сочную плоть своими белыми ровными зубками. Я зачарованно наблюдаю, как розовая мякоть исчезает в ее ротике, а сок течет по губам. Я встаю, наклоняюсь к Соне и целую ее.

Как жалко, что нельзя убивать ее снова и снова, с каждым разом оттачивая процесс до ювелирного совершенства. Она была бы моей любимой жертвой, но никогда не будет. Нас часто видят вместе, а я стараюсь быть осторожным. В мою сторону не только не должно вести никаких следов, даже гипотетических. В моем поле вообще должно отсутствовать само понятие преступления. Я законопослушный гражданин, любящий сын и прилежный студент. Этот образ я шлифовал годами, и теперь он сидит на мне, как влитой.

Соня притягивает меня за воротник рубашки и страстно отвечает на поцелуй.

(Я хватаю ее за руки, больно выворачиваю кисти, заставляя разжать пальцы, и со всей силы бью ее по лицу. Он вскрикивает от неожиданности, но я не даю ей опомниться – и снова замахиваюсь. Из разбитого носа течет кровь, ее вид завораживает меня. Я наматываю длинные волосы на кулак, выдергиваю Соню из кресла и впечатываю лицом в стену, раз, второй, третий, пока на дорогих бежевых обоях не останутся мокрые кровавые разводы. Соня пытается вырывать-

ся, меня это лишь распаляет. Свободной рукой я дотягиваюсь до бутылки шампанского. Мысли о том, что я собираюсь сделать при помощи этой бутылки, вызывают мощную эрекцию).

Соня притягивает меня за воротник рубашки и страстно отвечает на поцелуй. Я подхватываю ее на руки и несу на огромную, застеленную атласным одеялом кровать. Бережно опускаю свою ношу, по-кинематографичному не разрывая поцелуя. Соня расстегивает мой ремень, ее рука ныряет в брюки.

– Ого, – одобрительно усмехается она. – Если бы я знала, что тебя так возбуждает клубника, то давно бы ее откусила.

(Лучше откуси свой мерзкий язык, детка. Я буду избивать тебя до полусмерти и насиловать, а потом, все еще находясь внутри тебя, перережу твое горло разбитой бутылкой и буду смотреть, как вытекает, булькая, твоя восхитительная кровь).

– Меня возбуждаешь ты, – нежно шепчу ей на ухо и поспешно сдергиваю с нее узкие джинсы. Я нетерпелив, мне хочется поскорее приступить к процессу, смотреть в ее глаза и фантазировать, что вижу в них не похоть, а животный ужас.

Соня помогает мне раздеть себя, и я с облегчением приступаю к занятию, ради которого мы и приехали в отель. Я в меру нежен, в меру напорист. Я хороший любовник – так говорят все мои подруги.

Часом позднее мы лежим, потные и довольные, пьемся

В потолок.

– Она была невероятная, эта салфетка, – продолжает Соня. – Тончайшей бумаги, восхитительно однородного темно-бордового цвета и приятно шершавая на ощупь. Я ее разглядывала самозабвенно, крутила и так и сяк, поднимала на свет полупрозрачное, тончайшее полотно и не могла поверить, какое чудо у меня в руках. Это был абсолютный момент настоящего, когда прошлое и будущее исчезают, и тебе открывается непостижимая прежде красота истинного присутствия здесь и сейчас. Здесь и сейчас, когда от простой салфетки дух захватывает. Когда на ее гранях играют миллионы галактик и приветствуют тебя, и манят своими тайнами. Я размышляла о ее истории, о ее корнях, о том, какой путь проделала салфетка, прежде чем открыла мне истину.

Я приподнимаясь на локте и вопросительно смотрю на подругу.

– Ну а что поделать? Шел пятый час утра, рейс Москва – Барселона. Я развлекала себя, как могла.

Мы смеемся.

В номер стучат, я соскакиваю с кровати, накидываю и наспех завязываю махровый халат и открываю дверь.

– А вот и ужин, – подкатываю тележку к кровати. Поднимаю крышку и втягиваю носом дразнящий запах специй и морепродуктов.

Соня тоже проголодалась. Подползает к краю постели и заглядывает в тарелки:

– Погоди. Ты заказал осьминогов? – она хмурится. – Это высокоразвитые, очень умные существа, их нельзя есть!

Я на мгновение зависаю, но почти сразу мое лицо светлеет:

– Все в порядке. Это же бейби-осьминожки, они не успели поумнеть.

Соня смотрит на меня, потом на тарелку, и заливается смехом.

Я редко вижу ее смеющейся. Обычно она молчалива и строга. Но при большом желании мне удастся развеселить ее, и разговорить тоже. Так если подумать, я просто идеальный бойфренд. Ха-ха.

После ужина мы недолго дурачимся и покидаем номер. Вверяю подругу приехавшему за ней водителю, а сам мчусь домой, чувствуя, как снова накатывает отступившая на время озабоченность: почему А-11 не ответил? Он не мог не заметить скрупулезную точность моего комикса. Неужели А-11 собрался игнорировать меня? Плохое решение.

– Семечка, у меня беда! – по традиции в прихожей меня встречает Эмилия.

– Что такое? – я перевожу взгляд на ее няню, но та лишь виновато пожимает плечами.

Сестра ждет, пока я разуюсь, берет меня за руку и ведет в столовую, подводит к стулу. Я подчиняюсь и сажусь.

– Я сегодня после обеда собиралась попить компот, – начинает мелкая. Ее нос смешно морщится, когда она на-

пряженно подбирает слова. – Попросила у Ксюши конфет, но она их не нашла.

– Так.

– Я попросила посмотреть в шкафу. Но там тоже не было конфет, – сестра начинает волноваться и спешит высказать наболевшее. – Я попробовала искать сама. Облазила все шкафы и полочки, все вазочки проверила, – нигде ни шоколадки нет, ни пироженки, даже хлопьев нет! Ну, хлопья есть, но полезные! – на ее личике гримаса отвращения. – Кому нужны полезные хлопья? Я хочу сладкие! Во всем доме нет сладкого! Что это за дом такой, Семечка? За что мне это?

Я снова перевожу взгляд на Ксюшу, та разводит руками:

– Ангелина Андреевна выкинула все сладости, сказала, что семья переходит на здоровое питание.

Я вздыхаю: мать снова решила сесть на диету, и как обычно, не подумала о том, нужно ли это всем остальным.

– Знаешь что? – я заговорщицки понижаю голос. – У меня в куртке наверняка завалился шоколадный батончик.

– Семечка! – систер театрально прижимает ручонки к груди. Она посмотрела пару серий испанского сериала, на которые подседа мать, и теперь без конца копирует жесты актрис. А иногда и дословную речь:

– Ты мой спаситель!

Я выуживаю из куртки шоколадку и вручаю сестре. Потом обращаюсь к няне:

– Матери об этом говорить не обязательно.

Ксюша с готовностью кивает. Ей лет тридцать, но выглядит она как подросток – тоненькая, застенчивая, без следов косметики на симпатичном лице. Подозреваю, что мать остановила свой выбор на ее кандидатуре именно из-за привлекательной внешности, подсознательно надеясь, что отец соблазнится и тем самым притупит ее собственное чувство вины. Но отец кремень. Во всяком случае, я ни разу не замечал, чтобы он смотрел по-особенному на какую-либо женщину. Одно из двух: или его вообще ничего кроме работы и его детей не интересует. Или он прекрасно шифруется. Меня устраивают оба варианта. Каждый имеет право жить так, как ему заблагорассудится.

Я поднимаюсь к себе в комнату и проверяю, нет ли сообщений в крипто-мессенджере. А-11 по-прежнему хранит молчание. Что ж, есть только один способ проверить, что он из себя представляет на самом деле. Тот ли он человек, которому я должен быть благодарен.

А.

Тубис заканчивает очередной урок по скайпу и прощается со своей ученицей, пятнадцатилетней Марией, которая делает неплохие успехи в игре. Будь она лет на десять старше, он бы мог ею увлечься. Она далеко не красавица – лицо невнятное, круглое, веснушчатое, на зубах брекеты, волосы собраны в неизменный конский хвост. Ее, похоже, совсем не заботит собственная внешность, и это необычно для девочки ее возраста.

«Что-то в ее головке есть любопытное», – думает Сан Саныч, закрывая окно скайпа. «Интересно, как бы она себя вела, если бы...» – он запрещает себе продолжать мысль. Подобные размышления ни к чему. Зачем сотрясать воздух, когда ничего не планируешь?

Сознание, как послушный инструмент в руках музыканта, покорно следует указаниям разума. Но в глубине души Сан Саныч понимает, что терпение его на исходе. Поэтому нужно начинать подготовку. Голод усиливается, приближаясь к той черте, за которой контроль становится если не невозможным, то мучительным. Нельзя допустить, чтобы инстинкты победили рассудок – тогда ошибки неизбежны. А ошибки чреватые чудовищными последствиями. Он успешно, так складно строил свою жизнь не для того, чтобы в период слабости пустить ее под откос.

Торопиться нельзя. Сперва необходимо найти подходящее место, – вдали от посторонних глаз, тихое, безлюдное, и обустроить там все на свой вкус. Может быть даже в этом же поселке, почему нет? На окраине уже который месяц безуспешно сдается домишко, надо наведаться, посмотреть. Может быть там есть подвал или изолированная комната без окон? Чулан, в конце концов? Тубис невольно улыбается, чувствуя, как поднимается внутри знакомое, приятное возбуждение.

Когда место будет готово, приступит к поискам и знакомству – это самая волнительная часть. Выискивать в толпе ту единственную, с которой им суждено соединиться. Все меркнет по сравнению с упоительным восторгом узнавания, когда его взгляд, скользящий по скучным, похожим одно на другое лицам, цепляется за какой-то дефект, загадку. Он снова вспоминает Лизу – она была привлекательной женщиной, но Тубиса соблазнила не ее внешняя красота, а затаившееся в уголках губ разочарование, боль в изломанной линии бровей, злость в черноте зрачков. Она была сплошной нерв, эта Лиза. Она обещала сложную борьбу, или ты или тебя, и сопротивляться подобному вызову Тубис не смог.

Он вовремя одергивает себя, чтобы не углубляться в воспоминания. Нужно сосредоточиться на настоящем. И в настоящем Тубис принимает решение, которое ускоряет его сердцебиение. Он предвкушает – пока несмело – каким будет его новый роман. Хорошо, если очередная невеста вы-

теснит сожаление от разлуки с Лизой. Сан Саныч постарается выбрать кого-то особенного, чтобы получить от отношений максимум удовольствия.

Он насвистывает мелодию, впервые за долгий срок у него приподнятое настроение. Прибирает в доме, потом долго гуляет с Анькой. К вечеру ударяет морозец, снег звонко хрустит под подошвами.

Когда он зовет собаку, изо рта вылетает облачко пара.

– Ну что, нагулялась?

Овчарка весело гавкает и дурашливо пускается наутек, припадая на заднюю лапу. Сан Саныч наблюдает за ней с улыбкой. Селяне спят, свет горит в редких окнах. Лес, примыкающий вплотную к поселку, вздымается черной крепостной стеной с пиками башен, и Тубис представляет, что там, за частоколом деревьев, простираются его собственные угодья, где он волен делать все, что пожелает.

В самом деле, не сильно ли он перестраховался, на три года уйдя в celibat? Да, после побега Лизы ему пришлось несладко. Он трижды сменил место жительства, поработал над внешним обликом, подкорректировав характерные, выделяющиеся особенности. Он тогда мобилизовался на сто процентов, – речь шла о выживании. Тубис испытал несколько неприятных мгновений, когда будущее неопределенно, словно подвешено за тонкую ниточку. Однако ж все в итоге сложилось благополучно. Он справился. Он всегда справляется.

– Все, хватит, – кричит он овчарке. – Домой.

После студеного воздуха теплота помещения кажется нестерпимо удушливой. Тубис приоткрывает окно, оставляет небольшую щель и подходит к компьютеру.

Минуло несколько дней с того момента, как аноним прислал ему рисунки. Сан Саныч ухмыляется своему детскому желанию проверить мессенджер на наличие очередного послания и не отказывает себе в этой невинной слабости. Предчувствие не обманывает: С-4 прислал ему новую порцию рисунков.

Это сарай или гараж – точнее понять сложно. Одинокая лампа под потолком выхватывает из мрака лишь небольшую часть помещения; в углу, на тонком матрасе лежит девушка, мы видим ее силуэт. Рядом, на стуле, возвышается фигура мужчины. В нем легко узнается тот человек, который знакомился со студентками. Он повернут боком и можно разглядеть его профиль – массивный нос, тонкие губы, большие очки в толстой старомодной оправе.

На короткий миг Сан Саныч задерживает дыхание, затем осторожно выдыхает.

Что это – совпадение? Ясновидение художника? Ни в одном из своих текстов Тубис не описывал собственную внешность. Тогда откуда у автора рисунков такая точность в деталях?

Его взгляд быстро перемещается от картинке к картинке. Вот мужчина поднимается, нависает над девушкой. Те-

перь она показана крупным планом, и мы узнаем студентку в короткой юбке и с длинной русой косой – правда, облик ее претерпел значительные изменения. Она полностью раздета, на ее обнаженном теле – синяки и кровоподтеки. Ухоженные прежде, блестящие волосы, в беспорядке разметались по полу; на лице застыла гримаса страдания.

Мужчина грубо пинает ее, ногой переворачивает ее на живот. Затем спускает брюки, ложится сверху и берет ее сзади, не обращая внимания на стоны и слабые попытки вырваться.

Сан Саныч вытирает выступившую на лбу испарину, поднимается, открывает окно настежь и снова возвращается к монитору.

Далее события разворачиваются стремительно. Удовлетворив похоть, мужчина сдавливает горло девушки и не расцепляет хват, пока ее тело не обмякнет. Рука художника с безукоризненной точностью воспроизводит то, что до недавнего времени хранилось лишь в глубинах памяти главного героя комикса. Некоторое время он сидит неподвижно, его поза расслаблена, почти умиротворяющая. Затем он приносит канистру с бензином и обливает сперва труп, затем пол и стены.

На последнем рисунке мы видим узкую грунтовую дорогу вдоль леса, по которой удаляется мужчина (на нем широкое длинное пальто), а где-то сбоку, почти на границе рисунка, полыхает объятый пожаром дом. Или сарай. Или гараж.

Сан Саныч накрывает ладонью подбородок, сомневаясь

в собственных чувствах. Ему приятно увиденное? Оно тревожит его? Оставить назойливое творчество анонима без внимания, или постараться докопаться до истины, выяснить, что движет художником, зачем он прислал рисунки?

Все это кажется второстепенным. Главное здесь иное.

Если именно его тексты вдохновили С-4 на создание комикса, то откуда взялись мелкие достоверные нюансы, о которых сам Тубис не упоминал? Он не писал, что поджег сарай. Не уточнял, что это происходило в поселке. И свою личную фотографию тоже не прикреплял на всеобщее обозрение. Но только слепой не заметил бы сходство нарисованного персонажа с сидевшим перед монитором мужчиной.

И почему С-4? Намек на шахматный ход? Аноним каким— то образом выяснил, что Тубис увлекается шахматами?

Мессенджер оживает, оповещая о новом сообщении.

«Тебе понравилось?» – интересуется С-4.

Сан Саныч колеблется, и быстро печатает ответ:

«Нарисовано профессионально».

«Да брось. Я не о том спросил».

Тубис молчит, глядя на мигающий курсор в поле ввода. В голове – хоровод гипотез, одна фантастичнее другой. На которую из них сделать ставку?

«Поговори со мной», – настаивает С-4.

«О чем?»

«Ты знаешь, о чем».

«Понятия не имею», – Тубису тошно от собственной осторожности. Но почву лучше прощупывать аккуратно, чтобы не попасть в трясины. Он чувствует ловушку, но какую именно – не понимает. Беспокойство, поселившееся в солнечном сплетении, не покидает его.

«Кто-то должен рискнуть»

«Все еще без понятия, о чем ты».

«Ладно. У меня будет только один вопрос, и ответ на него может быть лишь «да» или «нет».

Сан Саныч с любопытством следит, как невидимый собеседник печатает.

«Так вот, вопрос такой: то, что изображено на рисунке, произошло семь лет назад?»

Тубис мгновенно напрягается, как почувывая гончих лисица. Первый позыв – выключить компьютер и больше никогда не заходить на эту площадку в даркнете. Разум останавливает его от импульсивной реакции. Соединение безопасное, ни его айпи, ни его личность выяснить невозможно.

«Ответь!» – просит С-4.

Тубис молчит. Встреча с Царевной действительно произошла семь лет назад, но откуда такая догадка могла родиться у анонима? Разве что... Его лицо каменеет. Он выходит из мессенджера.

С.

Этот говнюк просто отключился! Я с силой бью кулаком по столу, – так, что карандаш подскакивает, катится к краю и падает на мягкий палас на полу. Вспышка ярости тут же гаснет, и я сам удивляюсь собственной реакции. Обычно меня сложно вывести из себя. Если так дальше пойдет, то ничем хорошим дело не кончится. Необходимо держать себя в границах, не лезть на чужую территорию без приглашения. Нужно повернуть все таким образом, чтобы А-11 сам заинтересовался, сам захотел общаться. И для начала следует придумать, как расположить его к себе, вызвать если не доверие, то жадное любопытство.

Я прокручиваю в мессенджере нашу короткую беседу, анализирую каждое слово. Информации для анализа крайне мало, но даже эти скудные данные наводят меня на мысль, что я попал в точку. Если бы А-11 был не тем, кем я его считаю, он бы не парился, не следил за речью. Я задал странный вопрос про семь лет, и любой другой на его месте спросил бы, откуда такой интерес и такая цифра – в общем, постарался хотя бы частично удовлетворить здоровое любопытство. А этот просто не ответил. Он сидел, пялился в монитор какое-то время, обдумывал, рефлексировал, и только спустя минуту вышел из сети.

У меня очень развита интуиция, и сейчас она вопит во всю

глотку, что я прав, тысячу раз прав. Но у отца я перенял способность к анализу и математический склад ума, так что под любое предчувствие подвожу доказательную базу – и лишь после этого беру его в расчет. Сперва мне нужно убедиться в своем подозрении. Тот ли это человек, которому я должен быть благодарен за свое становление.

Пожалуй, у меня есть идея. Я берег ее до весны. Но форс-мажор никто не отменял. Тем более, мне самому не терпится. А-11 здорово распалил во мне и без того не гаснущее желание.

Почему нет?

Я кусаю губы – дурная бабская привычка в моменты стресса или принятия решений. (Я специально не избавляюсь от нее. Должен же присутствовать во мне хоть один человеческий недостаток?)

Итак, идея.

Действительно, почему не осуществить ее прямо сейчас? Я сам ограничил себя, установил лимит, – точно так же я могу расширить его, до разумных пределов, разумеется. Эта мысль вызывает прилив адреналина, я физически ощущаю, как к лицу приливает кровь. Встаю, подхожу к окну, и в темноте стекла вижу свои горящие глаза. Тяну раму на себя, выпуская в комнату морозный вечерний воздух и делаю несколько глубоких вдохов. Моя грудь вздымается под футболкой, мое тело покрывается гусиной кожей и несколько мгновений я позволяю себе насладиться ознобом.

Усыпанная снегом лужайка кажется расшитым бриллиантами полотном. За рыжими стволами сосен маячат темные очертания гостевого домика – оттуда тянет запахом горящего камина. Отец ночует там раз-два в неделю, когда хочет побыть в одиночестве. Мать этого не понимает и периодически выносит ему мозг, но отец на ее истерики не реагирует. Он красавчик. Я им искренне восхищаюсь и стараюсь во многом брать с него пример. В бизнесе он дьявольски хитер и напорист, в семье – нейтрален и спокоен. Вот и я на друзей произвожу впечатление доброго, уравновешенного парня. Видели бы они меня в деле.

Чем дольше я смакую мысль о предстоящей затее, тем отчетливее понимаю, что зря столько времени терпел. Из-за перестраховки я лишаю себя удовольствия, а значит недополучаю энергию, питающую мою личность. Я взрослею, становлюсь мудрее и опытнее, следовательно ранее установленные правила нуждаются в пересмотре.

Когда я наконец закрываю окно, в комнате стоит такой дубак, что мне приходится надеть толстовку и сделать несколько энергичных приседаний, чтобы согреться.

Следующую неделю я отрабатываю сценарий и делаю необходимые приготовления – их немного, но они предельно важны. В разных магазинах я покупаю: пленку, перчатки, чистящие средства, хозяйственную веревку, скотч и декоративные ленты. Бронирую на все выходные загородный

коттедж. Предупреждаю родителей, что проведу всю субботу на городской квартире, и в пятницу вечером с гулко колотящимся сердцем, прыгаю в машину.

У меня нет времени на то, чтобы долго присматриваться и выбирать подходящую кандидатуру. Долгая слежка – это дополнительный риск. Зачем ставить себя под удар, присматривая кого-то особенного, когда тебе, в принципе, подойдет любой человек? Может быть, я неразборчив? Мне не так уж важна личность жертвы. То, что я с ней сделаю, поднимет ее на недостижимый для всех остальных уровень. В конечном итоге я очаруюсь своей жертвой вне зависимости от того, сколько ей лет, как выглядит и какого она пола. Стоит признать, я все-таки предпочитаю молодых девчонок – желательно хрупкого телосложения – но это исключительно для моего собственного удобства.

Ночная дорога разматывается между фар серой ковровой дорожкой – я еду получать очень специфическую награду, и на церемонии будет лишь два зрителя, один из которых унесет увиденное с собой в могилу.

Тарабаню пальцами по рулю, под ложечкой покалывает, я на секунду пугаюсь, что те суши могли быть несвежими и сейчас меня замутит и все сорвется. Но тут же вспоминаю, что такое уже бывало, это простое волнение, и с ним надо смириться. Хм. А не теряю ли я хватку? Нужно чаще практиковаться. А то в один не прекрасный день я провалю все к чертям собачьим из-за того, что слишком разнервничаюсь.

Через полчаса сворачиваю в спальный район, где рядом с одной из новостроек тянется череда старых гаражей. Оставляю свой мерседес на платной парковке и иду пешком до своего гаража. Я купил его пару лет назад у местного алкаша, и держу там свою рабочую машину – недорогую, неприметную, но приличного вида, – на такой обычно ездит средний класс, почтенные отцы семейства.

Железная дверь со скрипом открывается, меня окатывает затхлым запахом пыли и машинного масла. Я зажигаю старую лампу, прикручиваю новые номерные знаки, протираю стекла. Тут же передеваюсь – джинсы, свитер, куртка, – все из масс-маркета. Я должен полностью соответствовать легенде.

На зеркале заднего вида болтается елочка, на приборной панели – три иконки. Отлично. Погнали.

Я заранее выбрал место охоты. Третьесортный ночной клуб далеко от центра, куда ходят отчаявшиеся приезжие девчонки, обычно не первой свежести, работающие в сфере услуги или торговли, и кого не пускают в заведения с дресс-кодом и фейс-контролем.

Я паркуюсь подальше от выхода, чтобы не сильно отсвечивать. Из клуба регулярно выходят шумные компании парней и девчонок, прыгают в такси или идут к остановке, но мне нужна одинокая девушка. Приходится ждать минут сорок, прежде чем я наконец вижу подходящую кандидатуру.

Ей лет тридцать, и она явно навеселе. На ней короткий

пуховик, блестящие сапоги на высокой шпильке. Не богиня, конечно, но это временно. Скоро я сделаю из нее святую. Я плавно трогаюсь с места и притормаживаю возле нее. Опускаю пассажирское стекло:

– Девушка! Вас подвезти?

Она тут же отмахивается, не глядя в мою сторону:

– Отвали!

– Девушка, я же от чистого сердца, – я стараюсь говорить с развязной галантностью. – Садитесь, прокачу за номер телефончика.

Мое предложение заинтересовывает незнакомку. Она поворачивается в мою сторону и пытается разглядеть меня в темноте салона.

– Ну как? – улыбаюсь я. – На маньяка не похож?

Девушка прыскает со смеху и продолжает разглядывать меня.

– Хотите, дам себя обыскать?

Это окончательно убеждает ее в том, что я славный малый со спермотоксикозом.

– Так что? Куда вас везти?

– Тут три остановки, недалеко, – она кокетливо поднимает плечико, затем оглядывается назад и кричит кому-то:

– Алина, ну ты где там застряла? Я нашла нам попутку. Давай бегом.

Я смотрю по направлению ее взгляда и вижу вторую женщину, очевидно ее подругу, которая приближается к нам.

Тройничок в мои планы не входит. Я не трачу время на интеллигентное прощание, даю по газам и срываюсь с места. В зеркале заднего вида маячит силуэт обломанной девицы. Она разводит руки в стороны, а потом показывает средний палец.

Глупая. Сегодня твой самый удачный день.

Возвращаться к клубу нельзя, есть шанс, что кто-то видел необычную сценку, и если я вернусь обратно, это точно врежется в память какому-нибудь любопытному ублюдку. Так что я отправляюсь в вояж по спальному району и глазаю по сторонам. На дорогах машин немного, воздух прозрачный, почти торжественный. Впереди, на автобусной остановке, замечаю одинокую фигуру.

Я притормаживаю у остановки и снова опускаю пассажирское стекло:

– Подбросить недорого?

Это немолодая женщина с усталым лицом. На ней невнятный пуховик и вязаная шапка. Она наклоняется и заглядывает в салон:

– У меня всего сто рублей. Так что спасибо, не надо.

– А ехать куда?

Она называет адрес. Это минимум двадцать минут езды.

– Садитесь. Уже полвторого ночи, автобусы по-моему, уже не ходят.

Она недоверчиво косится на меня, но я ободряюще киваю:

– Садитесь. Мне все равно по пути.

– Вот спасибо! – благодарит она, берет с лавки тяжелую сумку и кое-как размещается.

Я готовлюсь к тому, что она начнет жаловаться на жизнь, как принято в ее социальном классе, и поэтому прикидываю, куда бы свернуть, чтобы поскорее оглушить ее, связать и перетащить в багажник. Однако женщина не раскрывает рта. Молча сидит и с каким— то затравленным, обреченным смирением глядит на сверкающие за окном огни.

Я мельком поглядываю на нее, пытаюсь проникнуться настроением. У нее глаза на мокром месте, но она быстрым, легким движением вытирает навернувшиеся слезы – так, чтобы я не заметил.

– У вас все в порядке? – зачем-то спрашиваю. Чертово воспитание.

– Да, спасибо. Все хорошо, – она улыбается краешком губ и потупляет глаза.

В салоне повисает тишина.

Проходят пять минут, десять, пятнадцать, а я все никак не исполняю задуманное.

Торможу у хрущевки, мысленно матеря себя. Что за неожиданный приступ филантропии? «Какого хрена ты вообще творишь, идиот?»

Женщина протягивает мне сторублевую купюру. Я выхожу из машины и помогаю пассажирке выбраться из салона. Она несколько раз благодарит меня. Я протягиваю ей ее баул, и незаметно роняю на землю пару пятитысячных.

– У вас из сумки что-то выпало, – указываю я на асфальт.

И, не дожидаясь, пока она рассмотрит поднятые бумажки, прыгаю в тачку и уезжаю.

Ну и кретин.

Злюсь на себя и не понимаю, за что. Положа руку на сердце, мне ее не хотелось. Конечно, я бы завелся в процессе, но изначально, в чистом виде, мне ее не хотелось. Мне стало ее по-человечески жаль, а жалость гасит возбуждение. Нужно было абстрагироваться от ее личности, но...

Усилием воли я останавливаю поток мыслей. Отец любит повторять: «Мы не все можем контролировать в этом мире. И уж точно не можем контролировать то, что уже случилось». Проехали и забыли.

Я резко давлю на тормоз, едва не сбивая выбежавшего на дорогу пешехода.

– Ты что, камикадзе? – ору я в окно и тут же мягко добавляю: – Осторожнее надо, барышня. Не у всех водителей такая хорошая реакция.

Девушке едва за двадцать. Во всем ее облике, в вульгарности макияжа улавливается отчетливый намек на ее доступность или профессиональную деятельность. Такими типажам, как эта, пестрят сайты недорогого досуга.

Девушка одергивает курточку, и, не удосужившись ответить, переходит дорогу. Я проезжаю немного вперед, разворачиваюсь, резко торможу и выпрыгиваю на тротуар перед девушкой.

Сейчас я или получу негодующую пощечину, или выиграю джек-пот.

– Как насчет зависнуть у меня до утра? Плачу за всю ночь.

Она нисколько не удивляется. Оценивающе глядит на тачку, затем на меня. Я достаю бумажник и показываю ей, что деньги есть.

– Серьезно. Поехали. Не зря же ты ко мне под колеса прыгнула, – я весело подмигиваю. Я выгляжу как студент, которому перепало от родителей немного деньжат, и он решил погулять по-взрослому.

– Ну поехали, – соглашается девица. Голос у нее низкий, грубоватый. – Деньги вперед.

– Без проблем. Какой у тебя тариф?

– Пятнадцать.

Сумма явно завышена, но я не торгуюсь. Взамен я возьму у нее нечто куда более ценное.

– Без проблем.

Отсчитываю три пятитысячных.

– Меня зовут Мэри.

Конечно. Именно так тебя и зовут.

– А меня Сэмми. Помчали?

Дорога до коттеджа отнимает около часа. Я развлекаю Мэри анекдотами и забавными историями. Она смеется – сперва неохотно, из вежливости, а потом по-настоящему, весело, и начинает мне нравиться. Когда до арендованного на выходные убежища остается четверть часа езды, я прижимаюсь

к обочине, исключая габаритные огни.

– Ты чего? – Мэри хлопает нарощенными ресницами.

– Давай по-быстрому, для разогрева?

– Прямо здесь? – она явно не в восторге и колеблется.

Я достаю еще пятерку:

– Прости, приспичило.

Мэри сложно устоять перед моей щедростью. Она тянется к моей ширинке, но я останавливаю ее руку.

– Давай на заднем сиденье. Там просторнее.

– Хорошо, – с сомнением выдыхает она и выходит из машины, я следом за ней. Открываю дверцу и пропускаю ее вперед. Едва она наклоняется, чтобы нырнуть в салон, с замахом бью ее кулаком в висок. Подхватываю ее обмякшее тело, заталкиваю внутрь. Поспешно обыскиваю карманы, достаю телефон, разламываю симку, телефон бросаю на землю и топчу ботинками. После чего сажусь за руль и мчу в сторону коттеджа.

При виде уютных бревенчатых стен у меня внутри теплет. В этом домике я пережил однажды несколько чудесных мгновений, и теперь планирую их повторить. Коттедж идеально подходит для моих целей. Стоит в стороне от дороги, по периметру окружен лесом. Подъехать к нему можно только с одной стороны, и это небольшое пространство хорошо просматривается из окон. Ворота закрыты, но у меня есть ключ. Я въезжаю во двор, где над сказочным резным крыльцом меня встречает горящая лампа.

С арендодателем я виделся утром, взял у него ключи и заплатил за три дня вперед. Сегодня у меня праздник, завтра – уборка. А в воскресенье спозаранку я уже отправлюсь домой.

Утром я тщательно проверил дом на наличие камер и ни одной не обнаружил. Однако сейчас, прежде чем выгрузить из машины ценный груз, я еще раз обследую коттедж снаружи и изнутри. Убедившись в своей полной изоляции, я переносу малышку Мэри в дом.

Let's get the party started.

Когда она открывает глаза, то первые несколько мгновений не понимает, где находится. Потом начинает крутить головой, озираясь. Я даю ей возможность полностью оценить обстановку, прочувствовать, так сказать, свое положение.

Она лежит на полу, на заботливо подстеленной пленке, ее руки привязаны над головой к одной из деревянных колонн, украшающих гостиную. Я расположился в кресле напротив, предварительно тоже накрыв его клеенкой – в процессе я немного намусорю, а оттирать пятна с мягкой мебели в мои планы не входит.

Мэри, кажется, все поняла правильно. Хорошо, что я заранее залепил ее рот скотчем, и теперь она лишь громко мычит, и глядит на меня широко распахнутыми глазами. У меня встает от одного ее вида.

– Прежде, чем начать, – обращаюсь я к ней. – Хочу поблагодарить всевышнего за столь щедрую трапезу.

Поймав ее испуганный взгляд, я улыбаюсь:

– Шутка. Кого я и должен благодарить, так это тебя. Если бы ты смотрела на светофоры, то мы бы с тобой не столкнулись. Представляешь? Спала бы ты сейчас дома, в своей мягкой постельке, вместо того, чтобы лежать на полу и сходиться с ума от страха. Тебе ведь страшно, да?

Это риторический вопрос. Судя по ее расширенным зрачкам и частому дыханию, девчонка едва в сознания от ужаса.

– Я мог бы попытаться тебя утешить, сказать, что ничего страшного не случится, будет не больно и все в таком духе, – продолжаю я, смакуя каждое слово. Я наслаждаюсь собственной ролью, и, наверное, это сильно заметно.

– Но зачем врать умирающему человеку? Это нелепо. Так что, Мэри, у меня для тебя неутешительные новости: с тобой случится нечто очень страшное, и тебе, конечно же, будет больно.

Девчонка истерично дергает руками, раня скованные запястья. Смотрю на нее с умилением, как на глупого котенка. Мое возбуждение усиливается каждой секундой, но я специально оттягиваю момент, дразня самого себя.

– Ну а что ты хотела, Мэри? Твоя профессия в зоне повышенного риска.

Давай посмотрим, что у нас здесь имеется, – я встаю и подхожу к кухонной столешнице, придирчиво изучаю имеющиеся в распоряжении ножи. Выбираю несколько разных, сжимаю рукоятки в ладони и преподношу Мэри этот импрови-

зированный стальной букет.

– Это все тебе, моя крошка, – я галантно наклоняюсь над Мэри, позволяю ей разглядеть лезвия. – Приступим?

Запах крови щекочет ноздри, и я, в который раз за ночь, чувствую вновь растущее желание. Мэри еле дышит, я здорово с ней поигрался, и пожалуй, уже готов заканчивать. Следующий оргазм будет заключительным и самым мощным. Я всегда оставляю его на потом. Достигнуть пиковой точки с жертвой можно лишь однажды – в то мгновение, когда ее убиваешь. Все, что идет до этого – лишь прелюдия, распалюющая аппетит, подготавливающая к основному блюду.

Я уже отвязал ее от столба и отлепил скотч – она все равно уже не способна постоять за себя.

Шум за окном заставляет меня насторожиться. Я гашу верхний свет и подбегаю к окну. За воротами стоит джип, и двое человек топчутся возле, о чем— то переговариваясь и указывая в сторону дома.

Какого хрена?

Я оглядываю помещение: убраться я ни за что не успею, да и куда девать Мэри? Убить ее в спешке, запихнуть куда-нибудь под кровать? Кошунственно. Но даже если и рассматривать этот вариант, времени все равно не хватит.

Проклятье!

Я бегу к раковине, поспешно умываюсь и мою руки. Хва-

таю куртку, застегиваю молнию до самого подбородка (мой свитер весь заляпан кровью), а вот на черных джинсах, к счастью, ничего не видно. Бросаю взгляд на жертву: она в отключке. Хватаю ключи и выскакиваю на улицу в тот момент, когда один из незнакомцев уже перемахнул через невысокий забор и двинулся напрямиком к крыльцу.

Я останавливаюсь на дорожке.

– Доброй ночи, вернее, доброго утра, – приветствует меня незнакомец. Это молодой мужчина, высокий, крепкого телосложения и подвыпивший. Надеюсь, мне не придется с ним драться.

Я изображаю недоумение и молчу.

– Просим прощение за вторжение, мы тут малость заплутали, – миролюбиво говорит амбал. – Нам нужен коттедж номер 12.

– Это десятый номер. Ваш, должно быть, чуть дальше по дороге.

– Санек! Ну че там? – орет его друг и направляется в нашу сторону.

Внутри закипает ярость. Пятый час утра! И эти пьяные утырки вламываются на частную территорию, не парясь о том, что могут кому— то помешать.

– Здорово! – мужик с круглым и тупым, как у валенка, лицом, протягивает мне руку. – Соррян за беспокойство, нас тут девчонки ждут.

Я нейтрально улыбаюсь и повторяю:

– Двенадцатый номер дальше по дороге.

– Да ладно, серьезно? Жесть. Ну лады. Отлить к тебе можно зайти? – Валенок не ждет разрешения и поворачивает к крыльцу.

Я преграждаю ему путь, внутренне готовясь к самому худшему. Если мне не удастся отделаться от непрошенных гостей, и они попытаются вломиться в дом, придется импровизировать. В джипе кроме них никого – по крайней мере, так мне кажется с моей точки обзора. С одним я бы справился, а с двумя вряд ли – учитывая, что они, как на зло, здоровые и тяжелые. Я прикидываю, хватит ли мне физических и моральных сил прирезать этих двух и аккуратно избавиться от тел.

– Извините, парни. У меня там к кровати голая подружка привязана, боюсь, она не поймет, если в дом заявятся незнакомые мужики.

– Аха-ха-ха, точняк, – ржет Валенок и поднимает вверх руки: – Все понял, стою.

– Воды не вынесешь хотя бы? – спрашивает амбал. – Сушняк.

– Снега пожуй, урод, – бормочу себе под нос, и громко добавляю: – Без проблем.

Я поворачиваюсь к дому и вижу в окне Мэри. Она упирается ладонями в стекло, оставляя кровавые отпечатки, и явно пытается позвать на помощь. Пока ее плохо видно – в доме темно, и если не знаешь, что именно должен увидеть,

то вряд ли сразу разберешь. Она отчаянно пытается встать на ноги, выпрямиться – еще несколько секунд и ее обнаженная светлая фигура станет различима в окне даже неподготовленному взгляду.

Я давлю в себе желание ускорить шаг. Если вести себя естественно, есть шанс, что все обойдется. Все-таки еще ночь, парни под хмелем, могут не заметить силуэт в окне.

Я затылком чувствую направленные на себя взгляды и уже прокручиваю дальнейший план: забежать в дом, схватить нож. Грязно получится, суетливо. С одним трупом разобраться можно, а куда девать сразу три?

Вхожу в гостиную и, пригибаясь к полу, оттаскиваю от окна чудом поднявшуюся на ноги Мэри.

Подставить меня решила, сука? Я бью ее наотмашь по лицу, она падает, теряя сознание. Вытерев выпачканную кровью ладонь о штанину, хватаю на кухне бутылку минералки, заталкиваю под рукав куртки нож и выбегаю во двор.

– Вот спасибо, выручил! – благодарит бугай. – Ну давай, – он указывает подбородком. – Удачи с подружкой.

– Вам тоже! Счастливого пути.

Я не двигаюсь с места. Я готов атаковать, если увижу хоть намек на замешательство. Однако парни спокойно, вразвалочку, возвращаются к джипу. За те секунды, что я отсутствовал, их настроение не поменялось. Я медленно выдыхаю: опасность миновала. На мое счастье залетные гости настолько пьяны, что не видят дальше собственного носа.

Я дожидаюсь, пока они вернутся к джипу. Они машут рукой, разворачиваются на узком пяточке перед воротами, вырываются на дорогу и исчезают из поля зрения. Стою еще пару минут, а потом на всех парах бегу обратно в дом.

Мэри без сознания, но я привожу ее в чувство, вылив стакан воды ей на голову. Она стонет и с трудом разлепляет веки. Я не собираюсь нежничать с ней – не после того, как она себя повела. Агрессия попеременно с возбуждением давит изнутри на мою черепную коробку. Опасность прибавила адреналина, меня трясет, как наркомана при ломке. Если я немедленно не дам выхода своему желанию, оно разорвет меня в клочья.

Хватаю нож, спускаю брюки и раздвигаю малышке ноги. Я не знаю, как выгляжу в этот момент. Убежден, – у меня совсем не такие безумные глаза, какие делают актеры, играя серийных убийц. А может быть и такие. Мне сейчас не до любования перед зеркалом, а спросить у жертвы неловко.

Несколько фрикций, и я почти на грани. Когда в ее мягкий живот вонзается лезвие, и жизнь стремительными толчками вытекает из ее тела, меня выгибает в сокрушительном по силе оргазме. Я падаю прямо на ее мокрое истерзанное тело, и на какое— то мгновение отключаюсь в зашкаливающем экстазе.

Мой мозг перестает работать. Я превращаюсь в чистую эмоцию. Если бы в этот момент мне сообщили, что вскоре придет полиция, и нужно немедленно подняться и скрыть

следы преступления, я бы попросту отмахнулся. Тягучее, пульсирующее удовольствие лишило меня воли, я обнажен, уязвим, как моллюск в разломанной раковине.

Сейчас меня абсолютно не заботит мое будущее. Я на вершине блаженства. Ради одного этого мгновения можно вынести любое наказание.

Через пять минут меня отпускает.

К полудню субботы коттедж искрится и благоухает свежестью. Грязная одежда, клеенка и веревки сожжены, ножи тщательно вымыты чистящими средствами и возвращены на место.

Прежде чем завернуть Мэри в новую пленку, я обливаю ее средством для прочистки труб – оно уничтожит все следы моего ДНК, если вдруг таковые остались. И хотя я пользовался презервативами, вымываю ее также и изнутри – все отверстия, в которых побывал, – на всякий случай. От трупа разит химией. Я укладываю тело на пленку, закручиваю в тугой рулон, стягиваю концы скотчем, а потом повязываю красивые бантики. Теперь Мэри похожа на большую конфетку в серой обертке. Я планирую оставить ее в безлюдном месте, но на виду, где ее найдут в течение суток, максимум двух.

Переношу сверток в багажник машины, затем снимаю и сжигаю стерильные перчатки. На мне запасной комплект одежды, я вымылся и побрился. Стоит ясный погожий день, слепит солнце, и сугробы под его лучами празднично по-

блескивают. У меня отличное настроение и избыток энергии. Я словно сбросил старую кожу, заново родился.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.